

## Прагматика и мониторинг международной коммуникации

Джеф Фершуерен  
УНИВЕРСИТЕТ АНТВЕРПЕНА, БЕЛЬГИЯ

### Вступление

В этой работе я затрону область применения лингвистической прагматики, которая в большой степени зависит от систематического построения теории. Она также в значительной степени ориентирована на будущее, как в смысле мотивов написания и содержания, так и в смысле своей программной природы, относящейся к направлению исследований на будущие годы. Работа построена следующим образом. Прежде всего, я определю сферу применения, международную коммуникацию. Затем будет определена теоретическая перспектива для подхода к международной коммуникации. Эта перспектива является прагматической, причем прагматика понимается как фундаментально междисциплинарный (то есть когнитивный, социальный и культурный) подход к изучению того, как используется язык. Третья часть будет посвящена роли языка в международной коммуникации, причем эта роль рассматривается с точки зрения прагматики. На этом этапе будет поднят вопрос о языке и идеологии. В-четвертых, будет произведена переоценка темы глобализации в свете прагматического взгляда на международную коммуникацию. В-пятых, будут сделаны выводы, относящиеся к необходимости мониторинга международной коммуникации. В работе будут приведены специфически англоязычные примеры, относящиеся к одному дню передачи новостей в некоторых ведущих американских изданиях массовой информации.

---

Перевод с английского Л. Яницкого  
E-mail автора: [versch@uia.ua.ac.be](mailto:versch@uia.ua.ac.be)

## 1. Международная коммуникация

Прежде всего, мне хотелось бы определить сферу применения лингвистической рабочей программы, которая стала темой данной работы. Как видно из заглавия, этой сферой является *международная коммуникация*. Чтобы избежать неправильного понимания, необходимо сначала определиться с природой *международных отношений*. Было бы очень удобно ограничить сферу международных отношений как сферу отношений между народами или государствами. Однако, сделав так, мы, наверно, не поняли бы самого главного. Народы и государства, подобно империям, не являются неизменными сущностями. Они представляют собой результат процессов, которые на некоторое время могут останавливаться, но которые возобновляются и изменяют мир, как только обстоятельства складываются соответствующим образом. Недавнее объединение двух Германий и сопровождавшийся войной распад Югославии – это лишь два примера. Поэтому главное – это тот способ, которым множество идентифицируемых или самоидентифицирующихся групп населения относится, во-первых, друг к другу, в общественной сфере гражданского общества, а во-вторых, к институционализированным структурам типа государств. В свете этого замечания я буду использовать термин «международные отношения» как краткое выражение для различных аспектов отношений между национальными, этническими, культурными или по-другому идентифицируемыми группами или сообществами, как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Такие отношения всегда реализуются в публичной сфере и часто сопряжены с процессами формирования нации и создания коллективной идентичности.

В сфере международных отношений широкий круг тем был подробно исследован социологами и политологами: проблемы мира и безопасности (включая раннее предупреждение, предотвращение конфликтов, разрешение конфликтов, мирные переговоры и соглашения), контроль за вооружениями и расходы на вооружение, геополитические и стратегические проблемы, иностранная политика, экономическое развитие и его отношение к проблемам безопасности, окружающая среда, международная реакция на чрезвычайные ситуации (например, гуманитарные и миротворческие операции, необходимость которых вызвана природным катаклизмом или войной), этнические и общинные конфликты, права человека и демократия, роль средств массовой информации (используемых для передачи информации, дезинформации и пропаганды), и роль новых информационных и коммуникационных технологий.

Стало общим местом говорить, что для большинства этих проблем информация играет решающую роль, и что поэтому *международная коммуникация* заслуживает внимания сама по себе. Сама природа международных отношений, однако, претерпела серьезные изменения за последние несколько десятилетий. Эти изменения связаны с феноменом коммуникации и диктуют самый способ исследований международной коммуникации сегодня.

Прежде всего, произошел настоящий взрыв в развитии средств коммуникации. Это наблюдение сейчас стало общим местом. Кроме того, наблюдаемый феномен не является действительно новым. Его развитие началось столетия назад с изобретением печатного станка, и уже в начале девятнадцатого столетия произошло стремительное расширение роли средств массовой информации, отчасти как результат применения новых печатных технологий, а

отчасти из-за более широкого распространения грамотности. Затем, в нашем столетии появились радио и телевидение, что обнаружило тенденцию к сосуществованию разных типов средств массовой информации, а не к замене одних типов другими. Это остается верным, по-видимому, и по отношению к новейшему феномену в области средств коммуникации – Интернету, который по самой своей природе может распространять формы дискурса гораздо быстрее и в более широком масштабе, чем это было возможно ранее, но который не мешает ни существованию журналов (количество которых, как ожидается, будет расти), ни существованию газет (хотя им, возможно, придется адаптироваться – как многие газеты делают уже сейчас, ориентируясь на более конкретную и, возможно, более узкую аудиторию и создавая выпуски в Интернете). Интернет не заменит и телевидение, хотя Интернет и телевидение могут взаимодействовать различными неожиданными способами<sup>1</sup>. Интересно, как факт кумулятивного развития средств массовой информации может быть связан с растущей интернационализацией средств массовой информации, но гораздо более интересны его последствия для природы международных отношений. В течение долгого времени можно было полагать, что большинство людей в значительной степени не знали о событиях и действиях, которые мы теперь воспринимаем как содержание мировой истории. Когда фермеры в северной Франции в конце XVI столетия укрепляли церкви, чтобы они служили убежищем для них и их скота, они были озабочены личной безопасностью во время частых пограничных стычек между французскими солдатами и испанцами, которым тогда принадлежала территория современной Бельгии. Возможно, что они не сознавали глобальные геополитические проблемы отношений между Францией и Испанией. За исключением сферы непосредственного личного столкновения с последствиями международных событий, международные отношения в целом были делом правящей элиты. Бурное развитие средств коммуникации радикально изменило ситуацию в том смысле, что *все происходящее сегодня потенциально входит в дискурсивный мир гораздо большего количества людей, чем в предшествующие периоды истории. Другими словами, в международных отношениях гораздо большее количество событий приобретает значение для людей беспрецедентными путями и в беспрецедентном масштабе.* Общественное мнение сейчас обладает потенциально большим содержанием, чем раньше. Обратите внимание, что я дважды использовал слово «потенциально» в предшествующем тексте. В дальнейшем я не буду обращаться к этой проблеме в прямой форме, но моя аргументация будет также относиться и к ее разрешению. Прежде всего, хотелось бы показать, как изменения на уровне коммуникации повлияли на характер международных отношений как таковых. Приведу лишь один пример из новейшей истории. Трудно предположить, чтобы революционные изменения, произошедшие в Центральной и Восточной Европе в 1989 г., могли развиваться с такой скоростью, с такими результатами и в таком количестве различных мест, если бы не постоянное внимание и немедленная реакция международных средств массовой информации<sup>2</sup>. Как пишет Дж. Томпсон (Thompson, 1995. С.116), «предоставляя людям картины событий и информацию о событиях, которые происходят в местах, далеких от их социального окружения, средства массовой информации могут стимулировать или усиливать формы коллективного

<sup>1</sup> В работе (Wolf & Sands, 1999) содержатся некоторые предсказания такого рода.

<sup>2</sup> Этот пример см. в (Boden, 1992).

действия, которые может быть трудно контролировать при помощи существующих механизмов власти».

Другое изменение в характере международных отношений в последние годы связано с *процессами демократизации*, примеры которых находим опять-таки в Центральной и Восточной Европе. Демократия, без сомнения, является относительным понятием. Иногда мне достаточно трудно воспринимать мою собственную страну, Бельгию, как демократическое государство. Мое последнее разочарование в этом смысле произошло, когда в начале 1999 г. я обнаружил, что нахожусь в воюющей стране, причем вступлению Бельгии в войну против Югославии не предшествовали никакие политические дебаты, ни публичные, ни парламентские. Даже если событие только «потенциально» может быть осознано общественностью, и даже если общественное мнение необязательно формирует политику, тот факт, что страна воспринимается как демократическая или представляет себя как демократическое государство, обязательно приводит к тому, что политические акции в большей степени зависят от возможного влияния общественного мнения или от общественных идеологий, относящихся к межгрупповым отношениям, которые создают сущность международных отношений (как мы определили их ранее). Другими словами, *в связи с растущей возможностью осознания общественностью события как результата растущих возможностей средств коммуникации и в связи с ограничениями, которые демократия накладывает на пренебрежение общественным мнением, политический ход событий все в большей степени зависит от того, принимают ли политики в расчет распространенные или доминирующие мнения, идеи и устремления*. Результатом этого становится большая необходимость объяснения и легитимизации, которая в свою очередь, влияет на количество и качество международной коммуникации.

Выводы из этих наблюдений по отношению к исследованию международной коммуникации будут сделаны позже. Еще несколько слов нужно сказать об объекте исследования. Часто предполагалось, что самая интересная часть международной коммуникации проходит за закрытыми дверями, на конфиденциальных дипломатических встречах или на секретных переговорах с неизвестной повесткой дня. Хотя и в самом деле было бы интересно исследовать их, сказанное мной ранее подразумевает, что более важно и более интересно систематически изучать доступные для общественности формы международной коммуникации, поскольку они все в большей степени находятся в центре того, что происходит в международных делах. Для большей ясности уточню, что *доступные общественности формы международной коммуникации* включают:

- международные новости и комментарии в различных средствах массовой информации (таких как печать, радио, телевидение и во все большей степени Интернет);

- некоторые из источников, на которых основываются новости (такие как пресс-релизы и заявления для прессы, многие из которых также непосредственно доступны через Интернет);

- непосредственные формы международного взаимодействия в той мере, в какой они открыты для наблюдения (например, дебаты, открытые для прессы и общественности);

- тексты (предложения для) международных соглашений.

Эти «объекты» исследования мы имеем в виду, когда определяем международную коммуникацию как предмет лингвистических исследований.

Прежде чем перейти к описанию прагматической перспективы, которую я использую для подхода к международной коммуникации, я хотел бы сделать одно замечание по поводу термина *межкультурная коммуникация*. Мое понимание термина «международный» относится не только к взаимодействию через национальные или государственные границы, но в той же степени - и к взаимодействию между иными группами населения. В отличие от термина «международная коммуникация», который я использую в смысле взаимодействия в публичной сфере на уровне групп, термин «межкультурная коммуникация» я использую в узком смысле *взаимодействия между людьми или небольшими группами людей, принадлежащих к различно идентифицируемым или идентифицированным группам*, - взаимодействия, которое происходит в частных или институционализированных контекстах, но не в публичной сфере и не на групповом уровне как таковом. У такого разграничения есть то преимущество, что оно освобождает понятие межкультурной коммуникации от его нежелательной коннотации со стабильными или фиксированными культурными единствами (или «культурами») и переносит локус вариативности на его истинное место, то есть на индивидуальный уровень, поскольку каждый индивид обязательно принадлежит ко многим различным группам, и лишь некоторые из них могут быть названы «культурными». Таким образом, мы избегаем атрибуции коммуникативных феноменов культурным различиям<sup>3</sup>.

## 2. Прагматическая перспектива

Теперь мне хотелось бы определить ту лингвистическую перспективу, с которой я подхожу к примерам международной коммуникации. Конкретно, это прагматическая перспектива, причем «прагматика» здесь понимается как фундаментально междисциплинарный (то есть когнитивный, социальный и культурный) взгляд на использование языка. Его основная предпосылка в том, что использование языка, как в аспекте продуцирования, так и в аспекте интерпретации заключается в постоянном осуществлении выбора на всех структурных уровнях, с разнообразными контекстуальными ограничениями. Эти ограничения различно расположены по отношению к рефлексивному осознанию и вносят динамический вклад в процесс порождения значения. Другими словами, общая задача прагматики заключается в том, чтобы понять *смысловое функционирование языка как динамический процесс, происходящий в отношениях контекст-структура на различных уровнях значимости*. Чтобы понять парадигму осуществления выбора, важно определить три ключевых понятия: вариативность, договорной характер выбора и адаптивность. *Вариативность* – это свойство языка, которое определяет круг возможностей, из которых может быть сделан выбор – круг, который сам по себе является гибким и постоянно меняющимся. *Договорной характер выбора* – это свойство языка, отвечающее за тот факт, что выбор осуществляется не механически и не в соответствии со строгими правилами или фиксированными отношениями

---

<sup>3</sup> Хотя это разграничение проводится по-другому, некоторые ведущие к нему мотивы могут быть найдены в работе (Blommaert & Verschueren (eds.), 1991) особенно во введении и в рассуждениях Бломмерта о культурном содержании межкультурной коммуникации.

между формой и функцией, а, скорее, на основе очень гибких принципов и стратегий. Наконец, *адаптивность* – это свойство языка, которое позволяет людям осуществлять на договорной основе лингвистический выбор из вариативного круга возможностей таким образом, чтобы достичь коммуникативные цели. Сама по себе концепция адаптивности не привносит ничего существенного нового, но она дает нам возможность определить четыре точки зрения, с которых прагматические исследования должны подходить к своим темам. Во-первых, нужно идентифицировать *контекстуальные корреляты адаптивности*, то есть составные части коммуникативного контекста, с которыми интерадаптивны лингвистические возможности выбора в определенном примере использования языка. Во-вторых, процессы, о которых идет речь, должны быть определены по отношению к различным *структурным объектам адаптивности*, то есть различным уровням языковой структуры, на которых осуществляется выбор или к которым он так или иначе привязан. В-третьих, любое прагматическое описание или объяснение должно принимать в расчет *динамику адаптивности*, то есть реальные процессы порождения значения. В-четвертых, необходимо учитывать различия в *значимости процессов адаптации* по отношению к осознанности (в противоположность автоматичности) или рефлексивному осознанию.

Размеры статьи не позволяют расширить теоретическую часть работы, и в данном контексте я могу отослать к книге, посвященной этому предмету (Verschueren, 1999). Здесь же максимальное внимание будет уделено использованию прагматической теории для изучения феномена международной коммуникации<sup>4</sup>. В этом разделе я ограничусь, главным образом, рассмотрением контекстуальных ограничений на продуцирование международной коммуникации, взяв в качестве примера средства массовой информации, передающие новости. Контекстуальная и институциональная встроенность передающих новости СМИ – это область, в которой лингвисты могут и должны свободно полагаться на работы других исследователей, в то время как они сильно рискуют, игнорируя эти работы. Здесь я отсылаю к обширной литературе по практике передачи новостей, последствиям этой практики, ее структурной институциональной встроенности в процессы формирования международной коммуникации в средствах массовой информации. Многие социологи, специалисты по СМИ и политологи (такие как Томпсон, Ганс, Шудсон, Хесс<sup>5</sup> и многие другие) тщательно изучили рост СМИ как системы организаций, экономических предприятий и, во все большей степени, как обширных конгломератов СМИ, которые зависят от политических сил, рынка, скорости работы и конкурентоспособности. Внимание привлекалось и к негативному влиянию этих зависимостей на самое содержание СМИ. Так, указывалось, что растущее количество информации не всегда означает, что информация в равной степени доступна разным людям. Хесс (1996) указывает на то, что в США, например, международные новости интересуют людей меньше, чем пару десятилетий назад, в то время как американское участие в мировых делах активно как никогда, а внешняя политика США в большей степени, чем когда-либо, зависит от общественного мнения, в значительной степени формируе-

<sup>4</sup> В необходимых случаях я буду ссылаться на места из этой книги, которые предоставят более подробное объяснение для излагаемого. Например, перечисленные ключевые понятия более полно объясняются во второй главе, страницы 55-68 из указанной книги.

<sup>5</sup> См.: (Gans, 1979; Hess, 1996; Schudson, 1978; 1995; Thompson, 1995).

мого телевидением. Автор привлекает внимание к еще одному аспекту неравномерного распространения информации: элиты, обладающие необходимым временем, интересом и деньгами, имеют доступ к большему объему международной информации, чем когда-либо, а те, кто зависит от вечерних новостей и местной газеты, «не получают информацию, которая отражает важность мира для их жизни» (Там же. С. XIII). Также указывалось, что растущее количество информации не обязательно сочетается с более высоким ее качеством. Напротив, количество идет рука об руку с растущими экономическими интересами в производстве СМИ. Этот эффект этого можно, например, наблюдать в Беркли (Калифорния, США), где с большой поддержкой местного населения сотрудники радиостанции KPFA объявили забастовку. Эта легендарная радиостанция в Беркли, основанная в 1960-е годы как альтернативное, поддерживаемое слушателями и критическое свободное радио, оказалась настолько успешной, что выступила основой для национальной сети подобных радиостанций, руководимой фондом *Pacifica*. Однако большее количество станций означало вовлечение больших экономических интересов. Вследствие этого, руководство захотело придать сети более общепринятый характер, что привело к ограничениям на вещание и к увольнению тех, кто не хотел подчиняться новым директивам. Это послужило причиной забастовки. Это пример относительно небольшого масштаба, касающийся процессов, которые идут во всем мире - где четыре конгломерата СМИ (*Time Warner, The Bertelsmann Group, Rupert Murdoch's News Corporation, Silvio Berlusconi's Fininvest*) доминируют над средствами массовой информации.

В контексте этой работы невозможно описать все проявления контекстуальных ограничений на международную коммуникацию. Поэтому я просто приведу данные анализа, который ежемесячник *Brill's Content*, посвященный критическому анализу содержания средств массовой информации, недавно провел в связи с освещением в американских СМИ последней войны на Балканах - в статье, озаглавленной «С войной поступают как с Моникой» (Brill, 1999). Главная мысль статьи заключается в том, что СМИ одинаково освещают любую злободневную тему - как тривиальную связь, захватывающую воображение публики, так и войну, где решаются вопросы жизни и смерти. Я проиллюстрирую главные аспекты этой тенденции, описанной Бриллом, примерами из материалов на международную тематику, взятых из ряда американских изданий массовой информации в случайно выбранный день в Сан-Франциско.<sup>6</sup>

---

<sup>6</sup> Этим днем был вторник, 27 июля 1999 года. Город: Беркли, Калифорния. Я выбрал следующие газеты, все они продавались на ближайшем углу: *San Francisco Chronicle* (далее SFC), *USA Today* (USAT), *Los Angeles Times* (LAT), и *The New York Times* (NYT). Я не выбирал газеты местного характера (такие как *The Oakland Tribune, The Berkeley Voice* и несколько других), а также ориентированный на бизнес и финансы «Уолл-Стрит Джорнэл». Точно так же я выбрал следующие журналы, содержащие новости: *Newsweek* (далее N), *Time* (T), и *U.S. News & World Report* (USN). Я не выбирал журналы узкого профиля (такие как *The New Republic*, который представляет себя как журнал, посвященный политике и искусству, или *The New Yorker*, уделяющий основное внимание комментариям, или *Life*, в котором преобладают истории, занимательные для широкой публики), а также ежемесячные журналы (такие как *The Atlantic Monthly* и *Harper's Magazine*) и еженедельные журналы, издаваемые за границей (такие как *The Economist*, издаваемый в Лондоне). Комментарии и обзоры в этой статье будут касаться только междуна-

Первое, к чему Брилл привлекает наше внимание, – это то, что поскольку «машина СМИ сейчас является столь массивной, в такой степени конкурирующей с другими СМИ и настолько руководствуется финансовыми задачами», что она «всегда нуждается в новом материале, максимально противоречивом или исключительном». На практике это означает, что любая информация из любого источника, надежного или ненадежного, будет передана СМИ еще до подтверждения, хотя она обычно снабжается косвенным «подтверждением», чтобы избежать возможных обвинений в передаче ложной информации. Этот процесс легко наблюдать. Возьмем пример (1):

(1)

Пекин – Китайское правительство арестовало около 1200 правительственных чиновников, обвиняемых в связях с запрещенной религиозной сектой *Falun Gong*, как вчера сообщила одна из групп, следящих за соблюдением прав человека (SFC. С.8).

Ясно, что если об этом событии было сообщено только вчера, то подтверждение из независимых источников было невозможно получить до размещения этой новости в газете. Возможную критику такой практики легко отвести, приписав сообщение какому-либо конкретному источнику, в данном случае, Гонконгскому Центру по правам человека и Демократическому движению Китая. Эта метапрагматическая встроенность, которая теперь сопровождает почти все сообщения о новостях, заменяет непосредственное наблюдение журналистов, демонстрируя дополнительное измерение коммуникативного содержания любых передающихся «новостей»: чтобы что-то могло считаться новостями, ему достаточно появиться в мире дискурса. Следствием этого становится то, что часто любой анонимный источник становится участником игры, а любая рассказанная история быстро используется в СМИ.

Во-вторых, по словам Брилла, машина СМИ представляет собой, как правило, цирк с одной ареной, и ее внимание непостоянно и кратко. Внимание моментально переключается. Одним из результатов этого заключается в том, что на длинные истории не хватает терпения. Даже от войн ожидают, что они будут быстрыми и легкими; если они длятся слишком долго, внимание СМИ иссякает вместе с возможно необходимой общественной поддержкой (либо для ведения войны, если страна целевой аудитории в нее вовлечена, либо для спасательных операций). Другим результатом тенденции к моментальности является то, что редко проводятся параллели с ранее происходившими событиями; например, события в Косово не сравнивались с этническими чистками в Краине, осуществляемыми хорватами с материально-технической поддержкой США всего несколькими годами ранее, в 1995 г. Внимание не только быстро переключается, но, особенно на телевидении, уделяется одному событию в ущерб освещению всего остального. В меньшей степени это касается печати. Тем не менее, в моей подборке прессы за один день ведущей историей во всех трех еженедельниках (N, T, и USN) была катастрофа самолета с Кеннеди младшим, из-за этого на международные новости осталось мало места (см. таблицу 1 ниже); то же самое происходило во всех газетах в течение предыдущей недели. Поскольку Кеннеди к тому времени нашли и похорони-

---

родных новостей (определяемых в соответствии с нашим пониманием международных отношений). Мы не будем уделять внимание разделам журналов, посвященным исключительно бизнесу, искусству или спорту.



ли, к 27 июля газеты полностью перешли на другие темы, и их основные темы отражали предполагаемые интересы целевых аудиторий (убийства в районе Йосемит в двух калифорнийских газетах, SFC и LAT; резкое повышение температуры на Среднем Западе в одной общенациональной газете, USAT). Различные или не так четко идентифицируемые темы были характерны только для NYT. Помимо основных тем, освещался весьма широкий круг событий, как видно из обзора в Таблице 1.

Обзор показывает, что темы очень четко группируются, и этот процесс по отношению к событиям за пределами США, по-видимому, руководствуется двумя правилами: чем более непосредственным является недавнее вмешательство США или чем больше традиционные интересы США в данном регионе (например, на Ближнем Востоке, в Китае или на Тайване), тем больше в прессе полномасштабных статей (в отличие от кратких сообщений); большинство же статей, которые не предполагают вмешательство США, касаются хроники происшествий (например, охота на лис в Англии или хаос в бразильской системе телекоммуникации).

#### Таблица 1. Обзор тем международных новостей

*Цифры обозначают номера страниц. Квадратные скобки означают краткие заметки, а не статьи; фигурные скобки – редакционные комментарии; косые черты – письма редактору или мнения приглашенных аналитиков.*

Таблица 1.1. Американские темы «международного» характера

	SFC	USA T	LAT	NYT	N	T	USN
Общие							
Общественное строительство и расовые проблемы	2	(5)	-	14	-	-	-
Предложение 187	-	-	12	-	-	-	-
Преступления на почве расовой ненависти	-	-	/14/	-	-	/11/	-
Латиноамериканцы							
Общее	-	-	-	-	/16/	-	-
Латиноамериканцы и расовые преступления	2	(2)	3-9	-	-	-	-
Латиноамериканцы и выборы	2	(13)	-	-	-	-	-
Беженцы							
Возвращение беженцев в Косово	-	-	-	(19)	-	-	-

Таблица 1.2. Зарубежные темы, относящиеся к сфере прямого вмешательства США

	SFC	USA T	LAT	NYT	N	T	USN
Американский континент							
Война против наркотиков в Колумбии	(10)	7	-	4	-	-	-
Куба и США/Канада	-	-	-	(10)	-	-	-
Европа							
Мирный договор на Балканах	8-10	8	-	-	-	-	-
Помощь Косово	10	-	1-4	8	-	-	-
Этническое насилие в Косово	-	/14/	4	8 {22}	-	-	-
Албанцы и русские в Косово	-	-	-	-	-	-	40
Мины и бомбы в Косово	-	-	-	-	(6)	-	-
Военные преступники в Боснии	-	-	-	-	-	-	(5)
Отношения Москва-Вашингтон	(10)	(9)	3-9	8	44-45	-	-
Русские шпионы	-	(13)	-	-	-	-	-
Азия							
Отношения с Северной Кореей	8	-	11	-	-	-	-
Отношения с Тайванем	-	-	-	-	-	63	-
Торговля с Китаем	-	(13)	{14}	-	-	-	-
Китайские шпионы	-	-	-	-	(6)	-	-
Африка							
Клинтон и Марокко	-	/14/	-	-	-	-	-
Ближний восток							
Экспорт в Иран, Ливию, Судан	(5)	-	-	-	-	-	-
Клинтон и Сирия	-	9	-	(3)	-	-	-
Клинтон и Барак	-	-	-	-	-	64	-

Таблица 1.3. Зарубежные темы, не касающиеся вмешательства США или относящиеся к непрямому вмешательству США

	SFC	USA T	LAT	NYT	N	T	USN
Американский континент							
Партийные выборы в Мексике	(10)	-	-	4	-	-	-
Убийства на Ямайке	(10)	-	-	-	-	-	-
Выборы в Венесуэле	-	(9)	-	-	-	-	-

Таблица 1.3 (продолжение)

	SFC	USA T	LAT	NYT	N	T	USN
Телекоммуникация в Бразилии	-	-	1-4	-	-	-	-
Аргентина: будущее Менема	-	-	-	(10)	-	-	-
Европа							
Уроки вождения принца Уильяма	(8)	-	-	-	-	-	-
Охота на лис в Британии	-	-	-	-	-	-	42
Словакия (нападение на китайцев)	-	-	-	10	-	-	-
Отношения Турции и Греции	-	-	-	-	(10)	-	-
Партийные выборы в Испании	-	-	-	(10)	-	-	-
Сербская оппозиция	-	-	-	/22/	-	-	-
Азия							
Гонения на <i>Falun Gong</i> в Китае	8	-	-	1-10 /23/	(6)	-	42
Тайвань и Китай	8	(9)	-	-	-	62- 63	-
Насилие в Индонезии	(10)	-	-	(10)	-	-	-
Выборы в Индонезии	-	-	-	(10)	-	-	-
Индия: святость матери Терезы	(9)	-	-	(10)	-	-	-
Индия: война в Кашмире	-	-	-	(10)	-	/11/	-
Смерть Манглапуса в Маниле	-	-	13	17	-	-	-
Саранча в Казахстане	-	-	-	(10)	-	-	-
Африка							
Король Марокко Хасан второй	-	-	-	-	(11)	-	-
Новый король Марокко	-	-	-	3	-	-	-
Африканский рог	(10)	-	-	-	-	-	-
Этнические столкновения в Нигерии	(10)	-	-	(10)	-	-	-
Коррупция в Кении	-	-	-	6	-	-	-
Мир в Либерии	-	-	-	(10)	-	-	-
Ближний восток							
Палестинец в Израильском кнессете	12	(9)	1-4	3	-	-	-
Израиль и Сирия	-	/14/	-	-	-	-	-

Таблица 1.3 (окончание)

	SFC	USA T	LAT	NYT	N	T	USN
Мирные перспективы для Израиля	-	-	-	-	-	-	35-38
Израиль и Турция	-	-	-	-	-	-	38
Отношения Кувейта и Судана	-	-	-	(10)	-	-	-
Протесты против цензуры в Иране	-	-	-	(10)	-	-	(8)

Третья общая тенденция – это доминирование телевидения над печатью. Из этой зависимости, по Брилли, вытекают два следствия. Одно из них в том, что «поскольку разговоры на телевидении дешевле и обычно увлекательнее, чем настоящая журналистика, любая история на кабельном телевидении скоро начинает освещаться с двух равноправных сторон, так что о ней могут спорить в эфире две говорящих головы». Таким способом журналисты в состоянии избежать любого анализа, который может показать, что одна сторона проблемы (если вообще можно определить стороны) может быть более правильной, чем другая. Эта практика «беспристрастности» (которая не обязательно означает «справедливость» или даже «объективность») отчасти объясняется необходимостью быстро сообщать информацию в условиях конкуренции, подталкивающей, как говорилось ранее, к передаче неподтвержденной информации, а отчасти и интернациональным характером целевой аудитории (что подтверждается примером телекомпании CNN), значительные сегменты которой СМИ не могут позволить себе оттолкнуть, будучи экономическими предприятиями. С этой точки зрения, печать подвержена меньшим ограничениям, хотя существуют значительные различия между ежедневными газетами и еженедельниками. Хотя такой еженедельник, как *Time*, гораздо больше распространен, чем ежедневная газета, например, *San Francisco Chronicle*, он в большей степени склонен к вынесению оценок (то есть менее подобен телевидению в этом отношении). Как видно из различия нижеследующих примеров (2) и (3), основным фактором может быть скорость выпуска, которая затрудняет определение «позиции» по отношению к передаваемым событиям; другая причина может заключаться в том, что сообщение (2) в SFC, по видимому, просто взято из агентства *Associated Press*, которое, будучи международной организацией, возможно, вынуждено подвергаться тем же ограничениям, что и международные телевизионные сети. Примеры касаются конфликта между Тайванем и КНР, который возник после заявления президента Тайваня Ли Тенгхуи, что Тайвань и КНР должны строить отношения друг с другом как независимые государства.

(2)

«Тайбэй – президент Ли Тенгхуи вчера вновь подверг Китай резкой критике; он использовал самые жесткие выражения с того времени, как он навлек гнев пекинского режима, сказав, что Китай и Тайвань должны взаимодействовать как независимые государства.

Ли сказал, что гневная реакция Китая вызывает сожаление и что угроза Китая использовать военную силу против Тайваня показывает «гегемонистское» отношение.

<...>

Официальное китайское агентство новостей Синьхуа заявило вчера в редакционной статье, что высказывания Ли разрушили основу для контактов, поскольку они разрушили достигнутое ранее понимание того, что Тайвань и Китай должны рассматриваться как одна страна.

Гневный ответ Китая на заявление Ли усилил напряжение между сторонами до самого высокого уровня с 1996 года...» (SFC. С.8)

В то время как в примере (2) две стороны более или менее сопоставлены, и можно представить это сообщение как основу для телепередачи, в которой эта проблема дебатруется двумя «говорящими головами» на экране, в примере (3), взятом из статьи «Игра с огнем», ситуация иная:

(3)

«Президент Тайваня не мог устоять перед искушением высечь хорошую искру, но Азия – это не место для националистической пиромании» (Т. С.62).

Еще одно последствие доминирования телевидения, по Брилли, в том, что «лучше негативного или порождающего разногласия материала - только живая картина». Так же как общественное мнение оказывает влияние на политику, телевизионные образы воздействуют на общественное мнение. Самый распространенный пример этого в новейшей истории – это интервенция США в Сомали: общественность поддерживала отправку войск в декабре 1992 г., поскольку телевидение показывало живые яркие картины голодающих детей, но войска вывели из Сомали, как только по телевидению показали, как по улицам волокут убитого американского солдата. Эта практика передачи ярких живых картин перенимается печатью не только при использовании фотографий (как можно более шокирующих, особенно в еженедельных журналах), но также и в словах, которыми написан текст (часто с тем же отличием между двумя типами печати). Так, очень краткое упоминание признаков военного давления на умеренного президента Ирана Мохаммада Хатами со стороны кругов, менее терпимых к продемократическим выступлениям, сопровождается как убедительным заголовком – «Новая интрига разворачивается в Иране» (USN. С.8), - так и наиболее доступной яркой картиной общественных выступлений против Хатами в виде фотографии, снятой во время митинга в Вашингтоне.

Хотя прагматический подход к международной коммуникации всегда должен уделять внимание этим и подобным последствиям, их открытие и обнаружение как таковое не является задачей прагматического анализа. Некоторые лингвисты в прошлом ошибочно считали это своей целью, по-видимому, не зная о том, что эти процессы были полно и адекватно описаны многими социологами.<sup>7</sup> Истинно прагматический подход использует знание этих контекстуальных параметров как отправную точку для начала анализа.

Сходным образом и мы должны использовать существующие описания (например, у (Schudson, 1978; 1995)) того, как различные *типы речевой дея-*

<sup>7</sup> Подробный пример см. в (Verschuereen, 1985).

тельности развивались в ходе истории СМИ - от стадии непосредственного воспроизведения документов до стадии «репортажей» в современном смысле этого слова, и до стадии использования «интервью», причем ни репортажи, ни интервью долгое время не входили в репертуар дискурсных практик и могут быть определены как исторически возникшие виды деятельности. Эти типы деятельности создают *смысловые рамки*, в которых необходимо интерпретировать конкретные *речевые жанры* в СМИ.<sup>8</sup>

Все эти знания позволят нам сконструировать модель контекстуальных феноменов, которые будут интерадаптивны с динамическим осуществлением выбора в дискурсе СМИ в процессе порождения значения.<sup>9</sup> При этом возникает решающий вопрос: в каком направлении мы должны вести исследования после данной отправной точки? Как предполагалось ранее, настоящие исследования начинаются только с анализом динамики порождения значения. В последующей части работы я попытаюсь сформулировать наиболее плодотворный подход к особому характеру международных сообщений в СМИ или международной коммуникации в целом, как она определялась ранее в этой работе.

### 3. Роль языка в международной коммуникации

В прошлом часто совершалась еще одна ошибка, когда целью исследования становился анализ необъективности, например, в передаче новостей. Результатом исследований такого рода выступали наблюдения и выводы о том, что репортажи совершенно не объективны, а укоренены в доминирующей идеологии, которую разделяют и журналисты, и их аудитория. Давайте оставим подобные наивные попытки оперировать понятием объективности, которое не может не быть всего лишь фикцией в социальном мире, состоящем из событий, неотделимых от субъективности ни на одном уровне. Ошибочным был не результат исследований, а сама постановка цели, поскольку результат легко можно было предсказать на основе здоровой теории функционирования языка. Если прагматика хоть что-то установила, то это - осознание и факт того, что коммуникация невозможна без общей почвы. Никогда нельзя эксплицитно выразить все стороны того, что имеешь в виду. Поэтому необходимо предполагать некую общую почву с аудиторией как основу для дальнейшей коммуникации. Если это верно для общения лицом к лицу, почему это не подходит для коммуникации на более широком общественном уровне, например, в основном одностороннем вербальном потоке от создателей новостей к их предполагаемой аудитории? Отсюда следует, что чем более широкой и обычной является предполагаемая аудитория, тем более стереотипным и доминирующим должен быть предполагаемый общий мир знаний. Это легко оценивать негативно, например, ссылаясь на Тойнби, который сказал, что глубина культурного феномена находится в обратном отношении к его способности распространяться». В самом деле, чем больше аудитория, которой стремятся достичь определенные СМИ, тем меньшее количество нюансов бу-

<sup>8</sup> Для разъяснения этой терминологии и связанных с этим исследований см.: (Verschueren, 1999, p.151-156).

<sup>9</sup> Для создания такой модели мы можем сослаться на описание различных измерений коммуникативных контекстов в (Verschueren, 1999, Chapter 3).

дет в их сообщении и тем проще будет это сообщение. Это не отражает ни свойства тех, кто производит сообщение, ни свойства людей, составляющих аудиторию, а является прямым последствием стремления достичь как можно более широкой аудитории. Тот же самый процесс действует в случае, когда на конференции доклады на пленарном заседании делаются более общими, чем специальные доклады, предназначенные для небольших групп слушателей на секционных заседаниях. Такое положение дел нужно не осуждать, а просто принять как факт, главную предпосылку или отправной пункт, от которого можно разворачивать интересные исследования.

Однако внимание к идеологии не было совершенно неоправданным. В области международной коммуникации основная смыслопорождающая роль языка, вероятно, заключается в способе, которым язык функционирует как носитель не подвергающихся сомнению идей или компонентов идеологий, - в то время как открыто язык функционирует как канал для передачи новой информации. Здесь главный вопрос заключается в том, как работает этот процесс и как мы можем его исследовать?

Все внутригрупповые взаимоотношения глубоко насыщены идеологическим содержанием. Члены групп взаимодействуют не в вакууме, а в контексте, в котором международные отношения формируются и политика поддерживается на основе взаимного восприятия и убеждений, относящихся к естественному, как предполагается, порядку взаимодействия. Как только способы мышления и понимания ощущаются как «нормальные», они становятся мощными орудиями легитимизации отношений, поведения и политики независимо от возможных последствий в виде дискриминации, схем доминирования и даже насилия. Возможны, однако, изменения перспективы. Подобные сдвиги обычно требуют критических происшествий, но поскольку идеологическая борьба (и, как следствие ее, большая часть социальной борьбы) концентрируется вокруг *значения*, может быть достаточно простых актов *подвергания сомнению*. Мощь и изменчивость идеологии превращают ее в обязательный объект для подробного изучения в общественных науках. Исследования не только могут помочь нам лучше понять некоторые процессы порождения значения, влияющие на жизнь всех людей, но они также могут провоцировать *сомнение*, столь необходимое в обществе. Это выражение надежды сознательно наивно, поскольку мы понимаем, что ученый может сделать лишь ограниченный вклад в этом деле, - но мы отказываемся при этом быть парализованными таким пониманием. Ограничения в самом деле серьезны. Чтобы оказывать какое-то воздействие, изменения перспективы должны расширяться за пределы индивидуального. Единственными инструментами, при помощи которых можно этого достичь, являются образование и СМИ, но и образование, и СМИ тесно переплетены с властными структурами, которые сопротивляются переменам. Более того, любая новая перспектива может подвергаться непредсказуемым изменениям и применениям. *Поэтому необходим постоянный мониторинг идеологических процессов.*

Как пишет Хобсбом в книге «Нации и национализм с 1780 года», идеологические процессы – такие как возрождение различных видов национализма в Европе – не могут быть поняты без «взгляда снизу». Но:

«Этот взгляд снизу, то есть нация, как она видится не правительствами, политиками и активистами националистических (или ненационалистических) движений, но обычными людьми, которые

и являются объектами действий и пропаганды политиков, - это взгляд снизу очень трудно обнаружить» (Hobsbawm, 1990. С.11).

В этой области традиционная социология и политология сталкиваются с практически неразрешимой проблемой. Инструменты анализа, находящиеся в их распоряжении, годятся главным образом для интерпретации открыто выражаемых отношений и позиций - либо спонтанно высказываемых (как в политической риторике и дебатах), либо выясняемых при помощи опросников. Однако более глубокие идеологические процессы проходят на менее сознательных или имплицитных уровнях моделей интерпретации, с которыми связаны все формы эксплицитной коммуникации.

Здесь прагматика представляет себя как по преимуществу научный подход, чтобы найти выход из проблемы. Ценность публичного дискурса как ключа к пониманию стоящих за ним идеологий может быть оценена, если только, во-первых, уделяется должное внимание различным политическим и контекстуальным факторам, и во-вторых, если подробно исследовано взаимодействие между эксплицитным и имплицитным значением. Для того, чтобы выполнить эти требования, необходимо использовать *прагматический анализ*.

Эта методология, о которой несколько подробнее я расскажу позже, была в полной мере использована при обсуждении бельгийской политики по отношению к меньшинствам (Blommaert & Vershueren, 1998) и в более широком масштабе при изучении националистических идеологий в Европе - как они рассматриваются в репортажах о конфликтах, например, в бывшей Югославии (см., например, (Meeuwis, 1993)). В нашей работе невозможно дать полное описание характера прагматического исследования идеологии<sup>10</sup>. Поэтому укажем на главное. Во-первых, необходимо проводить анализ как можно более широкого круга структурных объектов адаптивности (от крошечных лингвистических деталей до общих моделей аргументации и взаимодействия между различными точками зрения). Во-вторых, следует специально искать уровни значения, которые не являются открыто заявленными, не подвергаются сомнению или просто принимаются как нечто само собой разумеющееся. Так, например, выбор темы (см. выше табл. 1), который предоставляет один из уровней анализа, раскрывает значение не только через активно осуществленный выбор, но и посредством контраста с темами, которые *не были* выбраны. Сходным образом, модели выбора слов приобретают свою категоризирующую функцию по контрасту с несделанным выбором. Рассмотрим пример (5):

(5)  
«Растут преступления на почве расовой ненависти против латиноамериканцев ...» (SFC. С.2).

Что отличает «преступление на почве расовой ненависти» от обычного «преступления»? Почему так называются только преступления против членов иных этнических или расовых групп? И т.д.

С другой стороны, если учитывать маркеры значимости, то пристальное внимание к точному метапрагматическому оформлению передаваемого содержания может раскрыть косвенные формы оценки, несмотря на все усилия

<sup>10</sup> Некоторые детали даются в работах: (Blommaert & Verschueren, 1998, p.32-36; Verschueren, 1996; Verschueren, 1999, Chapter 8).



авторов текста быть нейтральным<sup>11</sup>. Вернемся к примеру (2), который на первый взгляд просто сопоставляет высказывания, сделанные со стороны Тайваня и Китая. Однако ряд описывающих слов, таких как

«ярость пекинского режима ... гневный ответ Китая ... яростный отклик Пекина ...»

отчетливо контрастирует с намеком на сдержанность в «комментариях Ли», даже если президент Тайваня Ли «подверг Китай новому огню критики», используя «самые сильные выражения». Это не оставляет сомнений в наличии оценочного позиционирования репортажа, хотя и очень тонкого. В конце концов, «критика» – это обладающая ценностью дискурсивная активность, когда она направлена на режим, воспринимающийся как авторитарный. Этот пример также показывает, как опасно делать общие выводы из единичных примеров. Разница примеров (2) и (3) отчетливо показывает, что в одном обществе могут быть актуализированы различные оценочные рамки для одного и того же события. Это скорее правило, чем исключение. Не обратить на него внимание значило бы серьезно недооценить динамику и договорный характер выбора в процессе порождения значения.

Прежде чем продолжать, я должен предупредить о распространенной исследовательской ошибке в этом направлении. Эта ошибка заключается в механическом применении правил интерпретации, как будто существуют фиксированные отношения между формой и функцией, на которые не оказывают воздействия силы договорного характера выбора и адаптивности. Рассмотрим пример (7):

(7)  
«Как вчера заявил Национальный Совет La Raza в докладе на своем ежегодном съезде, растет количество преступлений на почве расовой ненависти против латиноамериканцев, что побудило президента Рауля Изаргире сказать: «Граждане и работники правоохранительных органов чувствуют, что они могут унижать или нападать на испаноамериканцев с почти полной безнаказанностью» (SFC. C.2).

Из этого текста невозможно заключить, что использование кавычек – это дистанцирующий прием, пока это не подкрепляется дополнительным свидетельством, как в комментарии в примере (8):

(8)  
«Хотя авторы (этого доклада) во многом основываются на частных свидетельствах, они утверждают, что это исследование дает первый в своем роде взгляд на возникающую модель расистской деятельности против латиноамериканцев». (SFC. C.2).

В других контекстах цитаты могут использоваться для привлечения поддерживающего авторитетного свидетельства, либо их функция намеренно неопределена.

---

<sup>11</sup> См. о систематическом анализе моделей метапрагматического оформления в репортаже о конкретном международном происшествии в работе (Verschuere, 1985).

Прагматический подход позволяет нам ответить на следующий вопрос: каковы компоненты видения мира, которое в данном сообществе служит как отправной пункт для коммуникации по межэтническим проблемам, вопросам национальности и другим типам межнациональных отношений. Другими словами, какие модели общества и какие модели групповых отношений в публичной сфере создают основу для дискуссий по вопросам улаживания различий и споров? Или на каких общих критериях (опять-таки в данных сообществах) может основываться поиск политических альтернатив и решений? Какое воздействие на эти критерии оказывают коммуникационные потоки?

#### 4. Международная коммуникация и глобализация

Проблема идеологии обычно связывается с моделями гегемонии и доминирования. По отношению к международной коммуникации в течение некоторого времени был в моде термин «глобализация», который сочетался с предположениями об американском культурном империализме. Некоторые факты очевидны и были подробно описаны социологами. В то время как ключевыми игроками в области коммуникации являются четыре указанные выше конгломерата СМИ, из 78 других конгломератов, по данным ЮНЕСКО (1989), 39 находятся в США, 25 в Западной Европе, 8 в Японии, 5 в Канаде и 1 в Австралии. Кроме того, основное содержание международных новостей в высокой степени зависит от деятельности четырех главных агентств новостей: английского агентства *Reuters*, американских агентств *Associated Press* (AP) и *United Press International* (UPI) и французского агентства *France-Presse* (AFP). Их воздействие на содержание новостей совершенно очевидно (как видно, например, из табл.1). Но что это означает в смысле глобального единства и разнообразия, в особенности по отношению к роли языка в мире международной коммуникации?

Парадигма культурного империализма, хотя и не лишенная оснований, часто упускает из виду два фундаментальных прагматических феномена. Прежде всего, она не вполне серьезно воспринимает вариативность и коммуникативную динамику. Сообщения, даже если они возникают в одном месте, трансформируются затем многими способами. Иногда это результат переформулирования или перевода. Иногда же - это результат помещения в иной социальный и культурный контекст: смысловой потенциал внешне неизменного текста резко меняется при перемещении из одного контекста в другой. Этот феномен имеет место в повседневном общении в той же степени, что и в международной коммуникации, хотя он может быть менее заметен.

Во-вторых, что может быть даже более важно, теория культурного империализма сильно недооценивает вклад воспринимающего в процесс порождения значения. Воспринимающие сообщения СМИ – это не просто пассивные потребители, наподобие потребителей гамбургеров в «Макдоналдсе». Они являются активными участниками, присваивающими и трансформирующими аспекты значения способами, которые выходят из-под контроля тех, кто создает сообщения. Особенно значительные трансформации могут происходить в плане идеологического содержания.

В результате роль языка в международной коммуникации дает превосходный пример того, как определенная степень единства (хотя и в форме экономически и политически направляемых сил глобализации) сочетается с длительным разнообразием - и, может быть, даже созданием ранее не существовавших моделей разнообразия. В этом контексте особое место, без сомнения, принадлежит английскому языку, главному средству передачи информации для большинства основных субъ-

ектов международной коммуникации. Но при этом мы не должны впадать в заблуждение и считать, что английский язык является единственным средством передачи информации<sup>12</sup>.

Снова встает главный вопрос относительно того, как следует эмпирически исследовать эти процессы. Это приводит меня к главной – и в основном программной – теме этой работы: мониторингу международной коммуникации.

## 5. Мониторинг международной коммуникации

В работе «Патология власти» Норман Казинс пишет в контексте своих рассуждений о гонке ядерных вооружений: «мир взаимосвязан всеми способами, кроме институтов, способных контролировать власть и ее результаты». Конечно, именно характер власти может определить контроль за ней самой. Тем не менее, существуют различные формы глобального мониторинга. Два очевидных примера – это мониторинг соблюдения прав человека такими организациями как *Amnesty International* и *Human Rights Watch*, и мониторинг продаж вооружений и военно-стратегического баланса различными институтами стратегических исследований. Принимая во внимание центральную роль коммуникации в современных международных отношениях и изменившуюся природу международных отношений, как она описана в этой работе, мне кажется, что подобные усилия должны быть дополнены глобальным мониторингом потоков коммуникации, которые могут иметь отношение к превентивной дипломатии. В частности, необходим *постоянный мониторинг коллективного порождения значения и общественных идеологий, относящихся к внутригосударственному и межгосударственному опыту разнообразия в контексте локальных, региональных и глобальных проблем мира и безопасности*. Это должно делаться в самом широком масштабе, с равным вниманием к отношениям «Север-Юг» и «Юг-Юг» и проблемам, занимающим Европу и Северную Америку после (относительного) ослабления напряжения в отношениях между Востоком и Западом.

Этот проект в то же самое время и легче, и труднее, чем другие виды мониторинга. Он легче, поскольку данные для анализа не скрыты, а открыты, а именно в типах международной коммуникации, которые я определил как доступные для общественности. С другой стороны, он может быть более трудным из-за разнообразия данных на многих языках, которые требуют систематического рассмотрения на различных уровнях анализа и особого внимания моделям имплицитного значения в их взаимодействии с эксплицитными уровнями значения. Однако нет сомнения, что прагматика в самом широком смысле может предоставить реалистический взгляд на международную коммуникацию и ее контекстуальные ограничения, так же как и необходимые теоретические и методологические знания, даже если мы смогли дать только самый приблизительный набросок на этих нескольких страницах.

---

<sup>12</sup> Сходные аргументы см. в работе (Thompson, 1995, p.149-178).

**Литература**

- Blommaert J. & Verschueren J. *Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance*. London: Routledge, 1998.
- Blommaert J. & Verschueren J. (eds.). *The Pragmatics of Intercultural and International Communication*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin, 1991.
- Boden D. Reinventing the global village: Communication and the revolutions of 1989. In A.Giddens (ed.), *Human Societies: An Introduction in Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1992. P.327-331.
- Brill S. War gets the Monica treatment. In *Brill's Content*, August 1999. P.99-107 and 136-137.
- Cousins N. *The Pathology of Power*. New York: W.W.Norton & Company, 1987.
- Gans H. J. *Deciding What's News: A study of CBS Evening News, NBS Nightly News, Newsweek and Time*. New York: Vintage Books, 1979.
- Hess S. *International News & Foreign Correspondents*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996.
- Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Meeuwis M. Nationalist ideology in news reporting on the Yugoslav crisis: A pragmatic analysis. In *Journal of Pragmatics* 20:3. 1993. P.217-237.
- Schudson M. *Discovering the News: A Social History of American Newspapers*. New York: Basic Books, 1978.
- Schudson M. *The Power of News*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- Thompson J. B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Verschueren J. *International News Reporting: Metapragmatic Metaphors and the U-2*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Verschueren J. Contrastive ideology research: Aspects of a pragmatic methodology. In *Language Sciences* 18:3/4. 1996. P.589-603.
- Verschueren J. *Understanding Pragmatics*. London: Edward Arnold/ New York: Oxford University Press, 1999.
- Wolf M. J. & Geoffrey S. Fearless predictions: the content world, 2005. In *Brill's Content*, August 1999. P.109-113.